

Анна Смородина родилась на Покров 1962 года в г. Черкассы (Украина) в семье военного юриста, фронтовика, уроженца Горьковской области Ивана Александровича Фролова и детской писательницы Майи Флоровны Фроловой, чьи книги в советское время входили в перечень рекомендованных по внеклассному чтению. Роман М. Фроловой для подростков “Современная девочка” и другие книги до сих пор востребованы в библиотеках. Отец же Анны отличался кристальной честностью и раскрыл немало сложных дел. В связи с переменной мест службы отца семья постоянно переезжала: жили в Магадане, в первый класс Анна пошла во Владивостоке, во второй — в Кутаиси (Грузия), с 1972 года — снова в Черкассах, куда при создании писательской организации как уроженка Черкасины была приглашена мать. Отцу Анны предлагали возглавить военную прокуратуру Армении, но он предпочёл выйти в отставку и уехать к семье.

В год Московской олимпиады (1980) Анна поступила в Литературный институт им. М. Горького на отделение художественного перевода (украинская группа). Надо сказать, что у Анны была врождённая способность к языкам. Живя в русскоговорящей семье и учась в Черкассах в русской школе, Анна тем не менее неоднократно становилась победительницей областных конкурсов по украинскому языку и литературе среди школьников. Неплохо знала немецкий язык, понимала польский и церковно-славянский. Мы познакомились в день празднования нового 1981 года. Я учился на курс старше. Расписались в сентябре того же года. По окончании вуза Анна вслед за мной уехала в Саранск. В 1988 году в семье родилась дочь Полина. Работала редактором в Доме санитарного просвещения. С момента создания “Молодёжного журнала “Странник” — заведующая отделом художественной литературы и позже зам главного редактора.

Анна — автор поэтических книг “Неизбежный контур” (Саранск, 1991), “О любви” (Саранск, 1995), “Восклицательный знак” (Саранск, 2013). Стихи и публицистика публиковались в центральной и местной печати (альманах “Истоки”, журналы “Наш современник”, “Москва”, “Молодёжный журнал “Странник”, “Саранские епархиальные ведомости” и др.)

В соавторстве мы написали и опубликовали сборник рассказов и пьес “Исторический проезд” (Саранск, 1993); пьесу “Ныне отпускаеши...” (журнал “Диалог. Карнавал. Хронотоп”. Витебск, 1994), поставленную Мордовским государственным телевидением в 1995 году и театром “Русский стиль” в г. Орле (2005); книгу рассказов-притч “Русский костёр” (Саранск, 2000); сборник “Пьесы” (Саранск, 2002), книгу повестей и рассказов “В поисках славы” (Саранск, 2005), книгу “Ракушка” (Саранск, 2007), которую составляют одноимённый роман, повести и рассказы, книгу повестей и рассказов “Полустанок на пути к столице” (Саранск, 2011), книги статей и заметок “Хочется подумать...” (Саранск, 2008), “О живом и мёртвом” (Саранск, 2010).

Под совместным псевдонимом ЮРИЙ САМАРИН выпустили книгу повестей, объединённых мы приложили, “Особенные люди” (Саранск, 2000) и сборник рассказов, статей, эссе “Заснеженная Палестина” (Саранск, 2002).

Наша проза и статьи (до 2005 года чаще под псевдонимом) публиковались в журналах “Москва” (лауреаты премии журнала), “Наш современник”, “Юность”, “Роман-журнал. XXI век”, “Молодёжный журнал “Странник”, “Подъём”, “Саранские епархиальные ведомости”, “Нива”, “Вологодский лад” и др., газетах “Литературная Россия”, “День литературы”, “Завтра”, “Десятина” и др., в разных альманахах и сборниках. Лауреат нескольких премий, в том числе — Государственной премии Республики Мордовия, Литературной премии им. св. Александра Невского. Умерла Анна в 2012 году спустя две недели после празднования пятидесятилетия.

Анну Смородину в качестве поэта знают гораздо меньше, чем как прозаика и критика, на страницах центральной печати со своим поэтическим творчеством она почти не выступала. Необходимо восполнить этот пробел, тем более что именно в поэзии видна глубина её неординарной личности. Поэтическое наследие Анны показывает, что перед нами большой самобытный поэт.

Константин Смородин

АННА СМОРОДИНА

НО РУССКАЯ Я ПО КРОВИ...

* * *

Кто не знает разлуки — не знает, как горек нам стал
Взмах ладони прощальный — напутствие словно на завтра.
Будто жил и творил, а признанья — увы! — не снискал
Незадачливый автор.

Ну, а он-то, наверно, надеялся. Думалось так:
Кто откроет — прочтёт, кто прочтёт — тот уже не забудет.
Ах, оставим об этом! И вправду, должно быть, пустяк
Предлагает он людям.

И, задумавшись крепко, надолго теперь замолчит.
И напрасно своё доцветают цветы у подъезда.
Этот воздух осенний уже ощутимо горчит.
Ещё пара минут до отъезда.

До прощального взмаха, до скорых, поспешных шагов,
Торопливых объятий: “Когда-то увидимся снова?”
И в сценарии этом никто изменить не готов
Ни единого слова.

* * *

Какая-то бабка в опорках идёт впереди по дороге.
Шатается вроде бы: пьяная или больная?
Колдобину каждую меряют старые ноги
Вдоль выбитых окон, вдоль серых заборов, сараев.
Разломан штакетник. Малины протянуты плети.
На утлом крыльце собрались три подруги бывшие.
И остовы дома — как остовы жизни. Лишь дети
Бегут переулком, мелькают платочки цветные.
Что им запустенье? Они не видали иного.

Им жизнь ещё праздник, листвы шелестенье опавшей!
Бегут переулком, оглядываются, чтоб снова
Бежать под берёзами той же дорогою нашей,
Которой иду я, и бабка идёт, ковыляет.
И каждому путь свой и время. Но кто их отмерит?
Кто знает причину, наверно, и следствие знает —
Напишет задачу и после решение проверит.
Ну что же? Пускай! Лишь рябины горячие кисти
Живут неосознанно в полной и жаркой истоме.
Сквозное пространство и воздух студёный, и листья.
Не стоит и думать, что завтра, что после, что кроме...

* * *

Как в бирюльки играем: то Пушкина ждём сообщая,
то взыскуем свободы и даже тоскуем отчасти.
Как невольники смысла — его непрерывно ища
в каждом жесте случайном и горя, и счастья.
То-то прежде писали: и Бунин, и Тютчев, и Фет!
То-то вольно вздыхать нам по их беспримерному слову.
У ночного окна вдруг подумать, что вот уж их нет,
что апрель, холода, что весна начинается снова,
что дорога черна, по обочинам пористый снег,
что судьбы не избежать — какой бы ни выпал просёлок,
что её не отмерить — какой бы ни выпал нам век,
всё покажется короток или покажется долгод.
И такая пахнет из окна чернота, тишина,
потечёт такой воздух ночной, и студёный, и пряный,
что нет выше отрады — стоять до рассвета без сна
у распахнутой жизни, как у распахнутой рамы.

* * *

На магазинном пяточке,
на тусклой улочке саранской
я вспоминаю с постоянством
о бомжеватом старичке.

Как он стоял, как он просил,
с хмельной улыбкой окаянства,
схватив монету, как вопил:
“Моя княгиня марсианская!..”

И этот странный титул мне
пришёлся впору в день пустынный.
Мы с ним стояли на луне —
два марсианина простые.

И винно-водочный отдел —
его похмелья пункт конечный —
куда-то в космос отлетел,
закрывшись покрывалом млечным.

С самим собой он шутовал,
юродивый, как на театре,
и подаянье собирал —
в своей космической тиаре.

Но не шуткарь зануда-бес!
Крутясь вокруг в пространствах злачных,
не даст достичь ни звёзд коньячных,
ни звёзд небес.

Располовинясь, раздвоюсь,
живёт в бреду, на обе жизни,
земной юдоли соотчизник,
мой марсианский бедный князь.

28.04. НЕДЕЛЯ ВАИЙ (цветоносная, Вербное воскресенье)

“С чем же в церковь мы пойдём — мне ответьте.
Отцвели уже вербные ветви!”
Иерей отвечает мне: “Чадо!
Суетиться нисколько не надо.
Хорошо всё в церкви у Бога,
и обряд соблюдается строго.
Вместо вербы возьмите тюльпаны
и нарциссы, расцветшие рано,
чтоб дорогу цветочным покровом
устелить Воплощенному Слову...”
А когда я в календарь поглядела,
там стояло: “цветоносная неделя”.